

Турне по театрам

Мы продолжаем обзор минувшего театрального сезона, из которого следует, что в драматическом театре события развиваются так же неоднозначно, как и в театре политическом. Обрушившаяся на нас саббота повергает в растерянность одних, возносит других, заставляет искать свое место в новой реальности третьих. Но в отличие от политики главным критерием на драматической сцене остается совесть, и главный «приз зрительских симпатий» получают те, кто сумел даже в нашей непростой ситуации сохранить это слово на своем театральном знамени.

Воск. клуб. - 1992. - Июнь. - с. 4

ЗРИТЕЛЬ ШТУРМУЕТ ТЕАТРЫ,

которые вопреки предсказаниям до сих пор живы

Атака началась неожиданно. Администратор Театра им. Пушкина как-то надомнили, похоже, даже спомали или вывихнули руку (потом оказалось, что все обошлось). Он на мгновение отступил, и толпа торжествующе хлынула в театр. Так штурмом зрителей открылся нынешний театральный сезон в Москве. Аомились на «Нос» Н. Гоголя в постановке литовского режиссера Э. Некрошюса. Похоже было, что народ плюнул на политиков и политику и, как в былые времена, отправился за правдой-маткой в театр.

«Нос» стал прологом этого непростого сезона. Действие спектакля вынесено на помойку («Люди из урна» — так мягко и нежно назвала свой отклик «Независимая газета»). Главные его герои — «помойные» русские люди... и баки. Правят на помойке помойные порядки. А царит среди всего этого страдания детородный орган в красном колпачке... От спектакля веяло жутью, хамством.

Литовские актеры долго раскисались, чуть ли не с самыми радужными улыбками бросались к рампе, ждали восторженных возгласов. Их не было! Оплевав народ, чего уж ждать от него слез умиления.

А тем временем на горизонте развернулся «Театр Романа Виктюка», о котором много говорили и с нетерпением ждали. Народ равнял туда. Странный и великодушный у нас все-таки зритель — чувствует, где «жареным» пахнет. Повод для выпамывания дверей и ругани с милицией, конечно, был основательный. Роман Виктюк — едва ли не самая крупная фигура современного российского театра. Да и только ли российский? Его «Служанки» (пьеса Ж. Жене), идущие уже несколько лет в «Сатириконе», — работа мирового класса.

Театр Виктюка открыл «М. Баттерфляй» Д. Г. Хуана, ставший гвоздем прошлого театрального сезона. В нем режиссер достаточно откровенно столкнул два мира: «красных» и «голубых». Та и другие поставлены к стенке и исповедуются на фоне роскошной «китайщины» художника Аллы Коженковой. Итог «эксперимента на краю пропасти» трезв и бескомпромиссен: оба мира шикерны, но страшны и пугающи.

Зато скандальная слава тех же «Служанок», поставленных повторно в собственном театре, уже ни у кого не вызывает сомнений: впервые на русской сцене открыто, торжественно и триумфально вершится всенародный праздник гомосексуализма, вполне соответ-

ствующий нынешним «демократическим» устремлениям: приятно и нашему театру чувствовать себя не ханжой. Однако, выполнив свою чуть ли не историческую миссию, эта постановка имеет мало отношения к искусству. Не хватает тонкости, актерского профессионализма, нет того вдохновенного Духа и Образа, который несли в себе несравненные артисты «Сатирикона» во главе с К. Райкиным...

Еще с год назад критик В. Оронов восклицал: «Дайте Виктюку виктюковское!». И вот запреты отброшены, зато появилась коварная русская проблема: как творить в условиях свободы? В рамках несвободы Р. Виктюк создавал шедевры, в нынешних условиях становится лидером массовой культуры. Не дай-то Бог...

В очереди за контрамаркой в одном из московских театров слышу диалог. Она: «Ну я и дура, поперлась. Лешка же говорил, что ничего хорошего». Он: «Лешка правильно сказал: если столько звезд — спектакля не будет. Оптимальный вариант — одна-две звезды, остальные могут быть так себе...».

Говорят так громко и уверенно, как это бывает только в молодости. Похоже, студенты театрального вуза. Речь идет о спектакле «Игроки-XXI» Товарищества С. Юрского.

Не согласен с их максимализмом, тем более с их авторитетом Лешкой в том, что театр должен состоять из одной звезды. Но в спор не вступаю: ведь чувствуют они примерно то же, что и я.

Критик Е. Уфимцева показала на телевизионную свою запись С. Юрсим, А. Калыгина, А. Филатовым — героями спектакля. Знаменитейшие и любимейшие актеры объяснили про все, что есть и чего нет в спектакле, поплевали в рецензентов... но так и не задумались о том, почему имеют такой триумфальный успех у зрителей. И почему так и не сложились пока их ансамбли. Парадокс постановки состоит в том, что звезды не играют как звезды. Пожалуй, только уже ушедший Евгений Евстигнеев блеснул новизной, отточенностью и остроумием эпизода. Конечно, зритель всегда радуется сочной типажности В. Невинного, но таким мы его видели во множестве мхатовских спектаклей. Зная, каким уникальным может быть А. Калыгин, особенно не возражаешь ему в «Игроках». Такие «ножницы» получились! И совсем уже теряешься от того, что творит на

сцене бывший «наивный отрок» из кулинарного училища, а ныне любимец публики Геннадий Хазанов. В спектакле это эстрадно-пародийный Жириновский, словно шагнувший с митинга от Белого дома, где он служил верой-правдой «благодетелям» России разного толка, которые в своих заботах о нашей жизни вот-вот снимут с нас последние штаны, на мхатовскую сцену. И это называется «театр звезд», театр имен?

Еще один парадокс: «Игроки-XXI» — едва ли не лучшая работа театрального сезона актеров «академиков». В самих же московских академических театрах в основном — полное заштылье. В Театре имени Моссовета, правда, в начале сезона зритель валял на Г. Бортникова в роли Эдмунда Кина. В Малом самым неожиданным актером кажется Эдуард Марцевич, сыгравший царя Федора Ивановича, роль Отца в одноименной пьесе А. Стриндберга и вместе с Н. Корниенко блеснувший в «Дядюшкином сне» Ф. Достоевского. Во МХАТе имени А. Чехова заставляла говорить о себе молодая актриса П. Медведева, тонко сыгравшая рядом с прославленной С. Пилевской одну из главных ролей в пьесе В. Розова «Суперфляй», а во МХАТе имени М. Горького запомнился С. Габриэлян в роли Лариосика из «Белой гвардии» М. Булгакова. Тронул Н. Захарин в «Холостак» И. Тургенева (спектакль ЦТСа).

Но пока актеры еще как-то тянули на себе театральный репертуар, режиссерская мысль в наших театрах, за небольшими исключениями, похоже, совсем перестала биться. Нехваткой высокопрофессиональной режиссуры объясняется то, что московские академические охотно приглашали постановщиков из театров-студий. Театр имени К. Станиславского возглавил Роман Козак, а Театр на Малой Бронной заполучил в свой штат Сергея Женовача. Оба прославились в студийном движении, и теперь поставленные ими «Король Лир» У. Шекспира (Малая Бронная) и «Дон Кихот» М. Булгакова (Театр Станиславского) хотя и не стали триумфом, дают надежду, что период адаптации закончится благополучно.

Театральная ситуация этого сезона во многом вызывает из предыдущих. А там случалось разное, творили деятели театра дела подчас неожиданные. Кто-то сжигал свой партийный билет перед телекамерой. Кто-то писал панегрику президенту — союзному и российскому... Но были и те, кто служил своей профессии. Среди других театров (хотя

его спектакли не брались штурмом), «Современник» оставался самым стабильно посещаемым театром столицы. И это не случайно. Во времена, когда рушится театральная культура, когда угроза ширпотреба — этикетки арбатских матрешек на сцене — стала реальностью, театр на Чистых прудах оказался в явной оппозиции к театральной Москве. Он, всегда славившийся пребыванием в авангарде, неожиданно занял охранительную позицию. В то время как многие наши режиссеры мужчины кинулись на поиски новых «территорий» и пошли завоевывать новые «территории», Галина Волчек, наоборот, усилила традиционализм своих постановок. Это не странно: в переломные и трудные эпохи Женщина всегда оставалась хранительницей очага, тем более что театр — это и есть очаг, дом, жизнь, судьба.

И все же событие, которое следовало бы отметить столице как главное в минувшем театральному году, москвичи так и не увидели. Хотя оно имело место быть. Теоретический вечер украинского актера Богдана Ступки состоялся для узкого круга театральной интеллигенции. «Это действительно необычный актер, как по мастерству и манере своей, так и по своим темам... Более всего он артист страдания, артист боли», — так отзывался об актере в своей книге критик Вадим Гавевский. Был показан первый акт «Тевье-молочника», калейдоскоп других ролей — фейерверк фантазий мастера... и потрясавшая своим психологизмом сцена из спектакля «Украденное счастье» И. Франко, сыгранная, возможно, актером будущего. Зал аплодировал стоя. А «задаренный» артист напоминал огромный букет цветов.

Наверное, выступление Ступки еще покажут по телевидению, которое снимало тот вечер. И хочется надеяться, события в СНГ не прервут творческих связей, а московские театральные сезоны не потеряют возможности радовать зрителей встречами с замечательными артистами не только столицы, но и нашего «ближнего зарубежья». А в сообщениях о штурмах перестанут упоминаться города и останутся только театры.

Константин МУХИН.

На снимках: сцена из спектакля «Служанки» Романа Виктюка; Геннадий Бортников в роли Эдмунда Кина; сцена из спектакля «Игроки-XXI» Сергея Юрского.